

ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОННОЙ САМОБЫТНОСТИ (ИДЕНТИЧНОСТИ) И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ ГОСУДАРСТВА

Константин Карпенко*

DOI 10.24833/2073-8420-2021-2-59-33-41

Введение. В статье рассматривается понятие конституционной самобытности (идентичности), приобретающей сегодня сугубую актуальность как в теории конституционного права, так и в практике межгосударственного общения. Сложность затронутой проблемы обуславливается, прежде всего, не до конца устоявшейся терминологией. Автор предлагает использовать термин «конституционная самобытность» как наиболее адекватный содержанию этого понятия и не требующий дополнительных объяснений. В таком случае речь следует вести об отличительных чертах действующего правопорядка, подчеркивающих его уникальность и неповторимость. Такие черты могут быть обозначены как принципы конституционной самобытности. Они образуют ядро конституционных предписаний, вокруг которого группируются прочие конституционные ценности. Выявлением и формулированием таких принципов занимаются конституционные суды, вследствие чего самобытность приобретает характер «преторского» права. Со своей стороны и роль конституционной юстиции усиливается, коль скоро правовые позиции судов создают новые критерии конституционности.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили конституции отдельных государств, чье содержание имеет отношение к затронутой проблеме, акты органов конституционного контроля и высказанные в них правовые позиции, а также выводы конституционно-правовой доктрины. В исследовании использованы метод сравнительного правоведения, позволяющий сопоставлять однородные правовые явления, системный метод, с помощью которого конституционная самобытность рассматривается как составная часть механизма конституционного регулирования, формально-догматический метод, раскрывающий правовую природу изучаемого предмета, равно как и диалектический метод, дающий обобщенное представление о предмете исследования.

Результаты исследования. Конституционная самобытность (идентичность), обуславливающая иерархию конституционных норм и ценностей, характеризует отдельно взятое государство, подчеркивая его отличия от про-

---

* **Карпенко Константин Викторович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права МГИМО МИД России
e-mail: kvk_1973@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8852-181X

чих. Конституционная самобытность должна быть неизменна во времени и свободна от текущих изменений конституционного текста. Тогда она позволяет выявить постоянные свойства конкретного правопорядка и государства в целом. Следовательно, в принципах конституционной самобытности (идентичности) сохраняются историческое наследие народа, закономерности его развития и определенная предсказуемость будущего. Таким образом, конституционная самобытность обеспечивает преемственность различных эпох.

Обсуждение и заключение. По мнению автора, применение принципов конституционной самобытности способно придать текущему правопорядку внутреннюю структурированность, отраженную в тексте Основного закона. При этом конституционные нормы складываются в иерархию, могущую отражать иерархию значимых ценностей. Наличие такой иерархии расширяет возможности правовой охраны конституции, т.к. у конституционных судов появляется критерий для «взвешивания» публичных и частных интересов.

Введение

Принципы конституционного права являются фундаментальными ориентирами для государства и общества. Их немалое количество лишь подчёркивает их важность для правового регулирования. Сформулированные в конституциях, они пронизывают толщу правовой системы, придавая ей известную стройность. Прикладное значение этих принципов проявляется в отдельных отраслях права. С помощью конституционных принципов все отрасли системы права связываются в единый нормативный массив, обособленный и, мы бы сказали, замкнутый в своих основах. Последнее качество, разумеется, не препятствует рецепции отдельных норм и институтов, поскольку право в целом едва ли может претендовать на национальную исключительность. Многотысячелетняя история права с неизбежностью показывает, что регулирование общественных отношений подчиняется очень схожим правилам, что можно, по всей видимости, объяснить схожими условиями юридического быта¹. И если мы и исполь-

зуем такие словосочетания как, например, «американское право», «римское право» или «русское право», то делаем это лишь в силу географической и этнической привязки изучаемого правового материала. Сами же правоотношения, равно как и нормы их регулирующие вполне сопоставимы по содержанию. Иными словами, право, как нам представляется, существует вне времени и пространства, оно самоценно по определению. Национальный же оттенок ему придаёт его применение известным народом и в известное время.

Нам представляется уместным выделить из всей совокупности имеющихся конституционных принципов те из них, которые, не будучи главнейшими, вызывают сегодня повышенный интерес как у науки, так и у практики. Таковыми могут быть названы принципы конституционной самобытности (идентичности). Само по себе это понятие не является слишком новым и локализуется преимущественно в Европе. Его теоретическое обоснование восходит к немецкому правоведу К. Шмитту, ещё в 1920-х гг. Однако практическое применение следует отнести

¹ Мы приведём только один, как нам кажется, достаточно яркий пример. Согласно ст. 5 Законов Хаммурапи, если судья изменил своё уже вынесенное решение (т.е. совершил злоупотребление своими полномочиями), он обязан, помимо прочего, возместить истцу сумму претензии в 12-кратном размере. Иными словами, у истца возникает право требования к судье, а тот, в свою очередь, превращается в сторону процесса. Вполне сопоставимую норму мы обнаруживаем в Судебнике Иоанна Грозного, когда дьяк, нарушивший порядок судопроизводства, подвергался аналогичному наказанию. Едва ли будет разумным усматривать в этой схожести рецепцию правовых норм древнего Двуречья московским законодателем XVI в. Это как раз свидетельство единства целей правового регулирования у разных народов и в разные исторические эпохи. См.: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / Пер. и комментарии И.М. Дьяконова // Вестник древней истории. – 1952. – № 3. – С. 309-311; Судебник 1550 г., ст. 28 // Владимирский-Буданов М.Ф. Христоматия по истории русского права. Вып. 2. 1887. С. 131-133.

к 1970-м гг., когда его впервые использовал в своей практике Федеральный конституционный суд Германии. В знаковом решении 1974 г. речь шла о самобытности Основного закона, которую образуют его опорные положения². С тех пор данная категория стала нередко использоваться во взаимоотношениях ФКС и учреждений Европейского Союза. В то же время некоторые немецкие авторы утверждают, что данное понятие возникло задолго до рождения ФРГ, и может быть отнесено к временам Германской империи, в XIX в. [13. С. 412]. Касательно же локализованности конституционной самобытности, мы заметим, что она пользуется на сегодняшний день, пожалуй, наибольшей актуальностью в конституционном праве европейских государств. Хотя и в прочих регионах планеты интерес к ней присутствует.

Рассматривая конституционную самобытность, необходимо уточнить терминологию. На английском языке она звучит как «*constitutional identity*», на французском – «*identité constitutionnelle*». Было бы заманчиво передать её значение на русском языке как «конституционная идентичность». Однако нам представляется, что такое решение проблемы оказалось бы неудовлетворительным. Ведь «идентичность» имеет и другое, прямо противоположное значение, а именно «тождественность», «одинаковость». Для правильного понимания научной дискуссии пришлось бы всякий раз уточнять, в каком значении употребляется данное понятие. Именно это и вынуждены делать зарубежные коллеги. Но у них нет иного выхода, поскольку «*identity*» или «*identité*» происходит от латинского «*identitas*», где оно обозначало именно «тождественность» [10. С. 9-12]. Но в русском языке есть слово, которое способно передать смысл рассматриваемого феномена. Поэтому мы предлагаем словосочетание «конституционная самобытность», т.к. оно изначально указывает на специфику предмета исследования, высвечивает его самость, уникальность.

Наше краткое изложение будет состоять из двух частей. Прежде всего, мы рассмотрим цели возникновения конституционной самобытности и выявим её природу. Во второй части мы предложим несколько принципов, которые имело бы смысл отнести к проявлениям характерных черт нацио-

нального конституционного правопорядка.

Исследование

Как было уже отмечено выше, конституционная самобытность (идентичность) появляется в Европе в связи с углублением интеграционных процессов. Она выступает закономерным ответом на утраченный контроль над европейским объединением со стороны государств-участников Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС, а ныне Европейского Союза - ЕС). В более широком масштабе мы бы сказали, что самобытность противопоставляет себя и мировому процессу глобализации. Его кажущаяся безальтернативность бросает вызов национальной правовой культуре и вынуждает её искать способы его замедления хотя бы до степени предсказуемости [7. С. 115-118]. Европейское же объединение должно вновь стать результатом действий отдельных государств, а не плодом отвлечённой политики наднациональных властных учреждений.

Вслед за Германией к проблеме конституционной самобытности обращается Франция. Дважды, в 2004 г. и в 2006 г., Конституционный совет в своих решениях указал на необходимость уважения принципов конституционной самобытности Республики со стороны актов ЕС [4. С. 154-169]. Конец 2000-х гг. и начало нового десятилетия ознаменовались настоящей волной поиска своих утраченных корней государствами-членами Европейского Союза. Имеет смысл отметить, что в этот процесс оказались вовлечены не только страны так называемой «старой» Европы, которые стояли у истоков интеграции [9. С. 62-64]. Неудивительно, что такие государства как, например, Бельгия, Нидерланды, Ирландия, Италия, Испания вспомнили о своей самостоятельности [8. С. 20-22]. Однако же и новые члены ЕС активно присоединились к ним, хотя ещё совсем недавно они могли лишь мечтать о том, чтобы вступить в «единую Европу». Неожиданно выяснилось, что и в Восточной Европе и в Прибалтике национальные органы власти не готовы раствориться в безликой семье «общевропейцев», лишённых всяческих отличительных черт [5. С. 271-277].

Хотя принцип конституционной самобытности (идентичности) наиболее востре-

² BVerfGE 37, 271 2 BvL 52/71 Solange I - Beschluß, 29.05.1974 [Электронный ресурс]. URL: <https://law.utexas.edu/transnational/foreign-law-translations/german/case> (дата обращения: 16.03.2021).

бован в европейских странах, было бы не вполне обоснованно исключить из данной тенденции прочие регионы мира. Если в Европе самобытность служит прагматическим целям сдерживания властного воздействия органов ЕС, то за пределами «Старого света» её наличие следует объяснять другими причинами. Нам представляется, что проблема конституционной самобытности несколько глубже и сложнее, чем банальная попытка оправдать невыполнение неудобных решений надгосударственных структур. Так, например, в Индии с 1973 г. существует и последовательно развивается теория опорных положений конституции (*theory of basic structure of the constitution*), изменить которые не в состоянии даже парламент [11. С. 465]. Это притом, что в Индии британская традиция всевластия законодателя пустила глубокие корни. Другим примером может послужить Австралия, где конституционная самобытность тесно связана с представительным правлением [12. С. 17-28]. Ни Индия, ни Австралия не испытывают ограничения своего суверенитета со стороны интеграционных объединений. Он, разумеется, терпит известные ущемления, но в рамках общего международного права, в соответствии с заключаемыми ими договорами.

Итак, мы можем сделать предварительный и промежуточный вывод о том, что связь между конституционной самобытностью и стремлением сохранить остатки суверенитета не всегда очевидна. Следовательно, надо искать иное объяснение. Для этого нам представляется необходимым обратиться к природе данного понятия.

В основных законах современных государств, за редким исключением, отсутствует упоминание о конституционной самобытности (идентичности). Ни первичная, ни вторичная учредительная власть не посчитали нужным включить её в пространство правового регулирования. И, тем не менее, она существует не только в научной теории, но и в государственной практике. Значит, конституционную самобытность должен был кто-то породить, у неё должен быть субъект творения. Исходя из ранее сказанного, нетрудно догадаться, что таким субъектом является орган конституционного контроля. Его роль в обеспечении законности едва ли требует специального доказывания [6. С. 430]. Давая своё толкование конституции, он способен придать отдельным её предписаниям известное смысловое наполнение, сделать их важнее по сравнению с прочими положениями. Широкое судебское усмо-

трение позволяет выделять таким способом любые нормы и принципы конституционного текста. Благодаря этому в конституции появляется внутренняя иерархия норм, на вершине которой размещаются наиболее значимые положения. Они образуют ядро конституционных предписаний, и придают всему тексту определённую структуру, формально не предусмотренную изначально. Конституционный суд (или иной подобный орган), таким образом, упорядочивает положения Основного закона, что позволяет осуществлять более точную, можно даже сказать, целевую охрану высшего закона страны.

Ядро конституционных предписаний, очевидно, не может сводиться к единичному принципу. Таковых обязательно должно быть несколько, хотя бы потому, что конституционное право является всеобъемлющей отраслью, затрагивающей комплекс общественных отношений в отдельно взятой стране. Совокупность конституционных принципов, за которыми КС признал качество самобытности, обособляется от иных положений Основного закона. Появляется группа нормативных предписаний, безусловно, широкого назначения, но которая выполняет, тем не менее, регулирующую функцию. Соответственно, обособляются и правоотношения, подпадающие под определение высших целей. Нам кажется логичным сделать вывод, что в результате рождается отдельный правовой институт конституционного права, объединяющий в себе известные нормы и принципы с регулируемыми ими отношениями. Предварительно можно было бы его назвать «право конституционной самобытности», хотя такое наименование, видимо, нуждается в уточнении. Такой новый правовой институт создаётся решениями органов конституционного контроля, а значит, его допустимо охарактеризовать как «преторское право», вспоминая античность. Преторское право есть порождение судебной практики, основанное на законодательстве, но преодолевающее его естественную узость. Закон не способен решить все задачи правового регулирования одновременно, он по определению абстрактен и рассчитан на неограниченное применение. Нормы же преторского права конкретизируют закон (в нашем случае конституцию), делают его восприимчивым к повседневным нуждам государства и общества. В свою очередь закон (или конституция) наполняется живым содержанием, получает импульс к дальнейшему развитию.

Правовой институт должен обладать целью, ради которой он создаётся. Применительно к нашей задаче целью конституционной самобытности (идентичности) будет защита уникальности и неповторимости конституционного правопорядка [14. С. 129]. Однако если речь идёт о текущем правопорядке, самобытность скорее будет мешать динамике его изменения, его приспособления к насущным потребностям юридического быта. Отсюда ясно, что конституционная самобытность должна олицетворять нечто неизменное, то, что сохраняется всегда и отличает отдельно взятое государство на протяжении длительного времени. Формальные изменения конституции, часто неизбежные и, тем более, необходимые для её динамики, не должны затрагивать принципы самобытности. Например, во Франции с 1789 г. сменилось 4 республики и 2 империи, было принято более полутора десятков конституций (под разными названиями), и, несмотря на это, Франция по-прежнему остаётся Францией. Другим любопытным примером, на наш взгляд, являются США с более чем 230-летней Конституцией. При всех внесённых в неё Конгрессом поправках и при всех сделанных Верховным судом толкованиях, она всё ещё хранит в себе некоторый «дух» отцов-основателей. Отсюда мы склонны сделать вывод, что конституционная самобытность продлевает историческое существование народа, сохраняет в неизменности присущие ему отличительные черты. Раскрытие этих черт в разные эпохи не нарушает преемственности национального характера. В результате, конституционная самобытность связывает отдельные исторические периоды развития государства, делает возможным их легитимацию через право. Думается, что это немаловажная задача для обеспечения стабильности и законности правопорядка.

Результаты исследования

Таким образом, мы приходим к выводу, что конституционная самобытность (иден-

тичность) представляет собой неизменные качества народа, объединённого в государство. С их помощью народ способен длить своё существование в истории, не отказываясь от своих корней. «Преторский» же характер самобытности даёт возможность приспособлять эти качества к требованиям текущего правопорядка. Благодаря судебной практике метаюридические ценности обретают позитивное содержание и могут быть применены для решения конкретных задач правового регулирования.

Как было заявлено в начале нашего изложения, мы готовы взять на себя смелость и предложить ряд нормативных положений, которые имеет смысл отнести к элементам конституционной самобытности. Например, для Франции мы склонны назвать, прежде всего, неизменные положения Конституции 1958 г. Как известно, это республиканская форма правления и территориальная целостность³. Отмена или изменение этих предписаний, очевидно, равносильны «отмене» той Франции, которая родилась в 1789-92 гг. и чьё становление происходила на всём протяжении XIX в. [1. С. 15]. Схожее положение о форме правления имеется в Конституции Италии 1947 г.⁴ В Германии таковые указаны в ст. 79, ч. 3 Основного закона и касаются федерализма, участия земель в законодательстве, а также уважения закона и прав человека⁵. Но подобные предписания конституционного текста являются формально закреплёнными, а ведь мы сказали, что принципы конституционной самобытности порождаются судебной практикой.

Примером такого принципа может послужить, как нам думается, решение КС Франции от 2001 г. В нём Совет обосновал свою позицию ссылкой на французскую концепцию разделения (обособления) властей⁶. Иными словами, КС Франции дал толкование этого учения, чем обеспечил своеобразное его применение в государственном механизме V-ой Республики. В частности, в этом решении речь шла о распределении функций между судами общей юрисдикции и административными судами. Наличие

³ Constitution de 1958, art. 89 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 25.03.2021).

⁴ Constitution of the Italian Republic, art. 139 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.senato.it> (дата обращения: 25.03.2021).

⁵ Basic law for FRG, art. 79 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 26.03.2021).

⁶ Décision № 2001-448 DC du 25.07.2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr> (дата обращения: 29.03.2021).

двух судебных подсистем вполне можно рассматривать как элемент конституционной самобытности Франции, хотя текст Конституции 1958 г. об этом умалчивает. В решении 2005 г. КС вновь подтвердил ранее высказанную позицию⁷.

В Индии, начиная с 1973 г., Верховный суд отнёс к высшим, опорным положениям Конституции её верховенство, республиканскую форму правления, светский характер Основного закона, обособление властей, федерализм, суверенитет, принципы правового государства, а также ограниченность парламентской инициативы по изменению Конституции. Эти положения не являются формально неизменными, их сделал таковыми Суд.

В Австралии принципы конституционной самобытности (идентичности) формулирует Высший суд (*The High court of Australia*). К их числу мы склонны отнести, например, особенности федеративных отношений. В Конституции Австралии не перечислены полномочия регионов, и Высший суд толковал это молчание в пользу федеральной компетенции⁸. Он выявил перечень предполагаемых полномочий, которые изначально принадлежали штатам, и объявил их общенациональными. Другим примером самобытности в Австралии можно назвать право аборигенов на землю. Оно, как известно, было аннулировано в 1847 г., т.к. вновь открытый материк считался *terra nullius*. Эта юридическая фикция позволила установить коренное право британской Короны на все земли (*Radical title*). Лишь в 1992 г. Высший суд признал право туземцев приобретать в собственность землю, не занятую колонистами⁹. Их право получило название *Native title*, и было формально закреплено в законе в следующем, 1993 г.

В известной степени конституционной особенностью Австралии можно было бы назвать наличие у неё экстерриториального главы государства [2. С. 65]. Действительно, Австралийский Союз возглавляет Королева Великобритании, представленная генерал-губернатором. Мы сознательно не называем эту систему власти самобытной, поскольку схожая организация публично-правовых

отношений имеется и, например, в Канаде. Всё же, мы подчеркнём относительную нетипичность австралийского государственного механизма, достаточную, думается, для оправдания более глубоких будущих исследований. Более подходящим примером для иллюстрации австралийской конституционной самобытности будет, как нам кажется, процедура «двойного» роспуска обеих палат парламента, неизвестная конституционному праву иных государств [3. С. 84]. Нет сомнения в том, что данный механизм сложился в Австралии на основе собственных потребностей правового регулирования, и не был реципирован извне.

Заключение

Таким образом, завершая наше краткое изложение, отметим, что принципы конституционной самобытности (идентичности) направлены на сохранение не только самой конституции, но и того «духа», который в ней заключен. Внутренняя иерархия норм конституции делает закрепленные в ней положения более четкими и явными, а имеющиеся в ее тексте ценностные ориентиры приобретают нормативность. Благодаря такой иерархии органы власти, в том числе и судебные учреждения, получают эффективный инструмент взвешивания интересов. Кроме того, наличие в конституции положений, обладающих большей юридической силой, чем прочие, делает возможным регулярную проверку на соответствие ей любых поправок к Основному закону. Это необходимо для того, чтобы уберечь конституцию и, как следствие, правопорядок в целом от не правовых, политически ангажированных изменений. Конституционная самобытность, таким образом, укрепляет конституционную законность, препятствуя злоупотреблениям конституционализмом.

Поскольку самобытные черты правопорядка предполагаются длительными во времени, их отображение в конституции свидетельствует о закономерностях развития нации. Одни и те же особенности могут повторяться даже при смене политического режима. Наличие таких особенностей сое-

⁷ Décision № 2005-519 DC du 29.07.2005 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr> (дата обращения: 2.04.2021).

⁸ Commonwealth of Australia Constitution Act [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aph.gov.au> (дата обращения: 4.04.2021).

⁹ Mabo and others v. Queensland (1992) 175 CLR 1 F.C. 92/014 [Электронный ресурс]. URL: <https://aiatsis.gov.au> (дата обращения: 4.04.2021).

диняет исторические периоды, пройденные нацией, и делает ее эволюцию преемственной. «Дух» конституции, понятый как исторический характер народа, способствует, таким образом, предсказуемости будущего

развития. А его выявление при помощи конституционного правосудия не позволит ему, надеемся, превратиться в вульгарное орудие международной политики.

Литература:

1. Бочкарев С.В. Развитие конституционализма во Франции в последней трети XIX в. СПб., 2018.
2. Войтович Е.А. Особенности конституционно-правового статуса главы государства в Австралийском Содружестве // Актуальные вопросы конституционного права: сб. науч. статей. Отв. ред. И.А. Ракитская. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 63-81.
3. Войтович Е.А. Особенности прекращения полномочий парламента Австралийского Союза // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7. С. 83-86.
4. Карпенко К.В. Конституционная самобытность в практике Конституционного совета Франции // Международное и конституционное право: проблемы взаимовлияния: коллективная монография / Отв. ред. А.А. Дорская, С.В. Бочкарев. СПб., 2016. С. 154-169.
5. Карпенко К.В. Конституционная самобытность как расширение предмета конституционного права // Материалы международной научно-практической конференции «Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем». М., 2016. С. 271-277.
6. Половченко К.А. Конституционный суд как гарант стабильности в «сложном» государстве // Актуальные проблемы сравнительного, зарубежного и российского конституционного права: сб. науч. трудов / Отв. ред. И.А. Ракитская. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 429-447.
7. Рахманова Е.Н. О суверенитете государства в условиях глобализации // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира: сб. науч. статей / Отв. ред. А.А. Дорская. СПб., 2016. С. 115-118.
8. Шашкова А.В. Процедура рассмотрения дела в Конституционном суде Италии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 20-22.
9. Шашкова А.В. Эволюция конституционного правосудия в Испании // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 62-64.
10. L'identité constitutionnelle saisie par les juges en Europe. Paris: PEDONE, 2011.
11. Jacobsohn G.J. An unconstitutional constitution? A comparative perspective // International journal of constitutional law. 2006. Vol. 4. № 3. P. 460-487.
12. Lajoinie T. Identité constitutionnelle et démocratie en Australie // Pouvoirs. 2012. № 141. P. 17-28.
13. Polzin M. Constitutional identity, unconstitutional amendments and the idea of constituent power: the development of the doctrine of constitutional identity in German constitutional law // International journal of constitutional law. 2016. № 14. P. 411-438.
14. Śledzińska-Simon A. Constitutional identity in 3D: A model of individual, relational, and collective self and its application in Poland // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. № 1. P. 124-155.

CONSTITUTIONAL IDENTITY AND INSTITUTIONAL AUTONOMY OF STATE

Introduction. *The article deals with the phenomenon of constitutional identity, which allows strengthening the protection of constitution. The author shows, that the constitutional courts are the creators of the constitutional identity all around the world. That is why its principles may be called «praetorian law», as a reference to Roman judicial practice. The principles of constitutional identity form by themselves a core of constitutional provisions, which guarantee historical continuity and durability of any*

legal order. A nation can use them to preserve its existence in a legal reality. Constitutional identity creates a subordination of norms in the constitutional text. The most important of them are on the top. Such a vertical system gives to the Constitutional courts a useful criterion for balancing different interests in a society. This criterion is fair enough, because it is stipulated by the constitution itself.

Materials and methods. *The materials for the study include the constitutions of states, whose*

content is related to the problem discussed, decisions of constitutional courts and the legal positions expressed in them, as well as the conclusions of the constitutional and legal doctrine. The study uses the comparative method, which makes it possible to compare homogeneous legal phenomena, the systemic method, with the help of which constitutional identity is considered as an integral part of the mechanism of legal regulation, the dogmatic method that reveals the legal nature of the subject under study, as well as the dialectical method, which gives a holistic idea of subject of research.

Results. Constitutional identity, which determines the hierarchy of constitutional norms and values, characterizes a state, emphasizing its differences from others. Constitutional identity should be unchanged over time and free from ongoing changes to the constitutional text. Then it allows identifying the permanent features of a particular legal order and the state as a whole. Consequently, the principles of constitutional identity preserve

the historical heritage of the people, the patterns of its development and a certain predictability of the future. Thus, constitutional identity ensures the continuity of different historical periods.

Discussion and conclusions. According to the author, the application of the principles of constitutional identity can give the current legal order an internal structure, reflected in the text of the Basic Law. At the same time, constitutional norms build a hierarchy that can reflect the hierarchy of significant values. The presence of such a hierarchy expands the possibilities of legal protection of the constitution, since the constitutional courts have a criterion for «weighing» public and private interests.

Konstantin V. Karpenko,
Candidate of Legal Science,
Associate Professor at the Department
of Constitutional Law, MGIMO(University)
under the MFA of Russia

Ключевые слова:

конституция, правопорядок, пирамида норм, конституционная самобытность (идентичность), толкование, преторское право, конституционный суд, Европейский Союз, Индия, Австралия, Франция

Keywords:

constitution, legal order, pyramid of norms, constitutional identity, interpretation, praetorian law, constitutional court, India, Australia, France

References:

1. Bochkarev, S.V., 2018. Razvitie konstitucionalizma vo Francii v poslednej treti XIX v. [The development of constitutionalism in France in last third of XIX s.]. Saint-Petersburg: Asterion.
2. L'identité constitutionnelle saisie par les juges en Europe [The constitutional identity seized by judges in Europe]. 2011. Paris.
3. Jacobsohn, G.J., 2006. An unconstitutional constitution? A comparative perspective. *International journal of constitutional law*. Vol. 4. № 3. P. 460-487.
4. Karpenko, K.V., 2016. Konstitucionnaya samobytnost' v praktike Konstitucionnogo soveta Francii. [Constitutional identity in jurisprudence of Constitutional council of France]. *Mezhdunarodnoe i konstitucionnoe pravo: problemy vzaimovliyaniya. Otv. red. A.A. Dorskaja, S.V. Bochkarev. [International and constitutional law: the issues of mutual influence. Ed. A.A. Dorskaja, S.V. Bochkarev]. Saint-Petersburg, S. 154-169.*
5. Karpenko, K.V., 2016. Konstitucionnaya samobytnost' kak rasshirenie predmeta konstitucionnogo prava. [Constitutional identity as an extension of the subject of constitutional law]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Razvitie rossijskogo prava: novye konteksty i poiski resheniya problem». [Proceedings of the international conference «The development of Russian law: new contexts and the search for solutions»]. Moscow, S. 271-277.*
6. Lajoinie, T., 2012. Identité constitutionnelle et démocratie en Australie [Constitutional identity and democracy in Australia]. *Pouvoirs [Powers]*. № 141. P. 17-28.
7. Polovchenko, K.A., 2017. Konstitucionnyj sud kak garant stabil'nosti v «slozhnom» gosudarstve [Constitutional Court as a guarantor of stability in a "complex" state]. – *Aktual'nye problemy sravnitel'nogo, zarubezhnogo i rossijskogo konstitucionnogo prava: sb. nauch. trudov. Otv. red. I.A. Rakitskaja. [Pressing issues of comparative, foreign and Russian constitutional law: collected works. Ed. I.A. Rakitskaja]. Moscow: MGIMO-Universitet. S. 429-447.*
8. Polzin, M., 2016. Constitutional identity, unconstitutional amendments and the idea of constituent power: the development of the doctrine of constitutional identity in German constitutional law. *International journal of constitutional law*. № 14. P. 411-438.
9. Rahmanova, E.N., 2016. O suverenitete gosudarstva v usloviyah globalizacii [On state sovereignty in globalization]. *Tipy pravoponimaniya i vyzovy menyayushchegosya mira: sb. nauch. statej. Otv. red. A.A. Dorskaja. [Types of law understanding and challenges in a changing world: collected works. Ed. A.A. Dorskaja]. Saint-Petersburg, S. 115-118.*

10. Shashkova, A.V., 2018. Procedura rassmotreniya dela v Konstitucionnom sude Italii [Constitutional procedure in the Constitutional court of Italy]. *Probely v rossijskom zakonodate'l'stve [Gaps in Russian legislation]*. № 2. S. 20-22.
11. Shashkova, A.V., 2017. Evolyuciya konstitucionnogo pravosudiya v Ispanii [Evolution of constitutional justice in Spain]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*. № 10. S. 62-64.
12. Vojtovich, E.A., 2018. Osobennosti konstitucionno-pravovogo statusa glavy gosudarstva v Avstralijskom Sodruzhestve [Features of the constitutional status of the Head of state in Australia]. *Aktual'nye voprosy konstitucionnogo prava: sb. nauch. statej. Otv. red. I.A. Rakitskaja [Pressing issues of constitutional law: collected works. Ed. I.A. Rakitskaja]*. Moscow: MGIMO-Universitet. S. 63-81.
13. Vojtovich, E.A., 2019. Osobennosti prekrashcheniya polnomochij parlamenta Avstralijskogo Soyuza [Legal issues of early dissolution of the parliament of the Commonwealth of Australia]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian law journal]*. № 7. S. 83-86.
14. Śledzińska-Simon, A., 2015. Constitutional identity in 3D: A model of individual, relational, and collective self and its application in Poland. *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 13. № 1. P. 124–155.